

Алла Арлетт Антоныук
Духовные путешествия героев
А. С. Пушкина

Очерки по мифопоэтике. Часть 2

Алла Арлетт Антонюк
Духовные путешествия героев
А. С. Пушкина. Очерки
по мифопоэтике. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22815608

ISBN 9785448371127

Аннотация

Книга продолжает путешествие читателя в глубины художественного сознания Пушкина. Мы снова пускаемся в приключения с его героями – духовные «путешествия» в их рыцарском – авантюрном – понимании. Мудрость, требуемая для исцеления души, – в глубинах нашей психики. Эти прозрения Пушкина необыкновенно глубоки в таких его произведениях, как «Гробовщик». Завершив свой душевный кризис, герой возвращается в реальность, которая благодаря «путешествию» преобразилась неким тонким и глубоким образом.

Содержание

Духовное путешествие Ленского	5
«Умы пустынных монахов»	7
Прозрения духовной родины	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Духовные путешествия
героев А. С. Пушкина
Очерки по
мифопоэтике. Часть 2
Алла Арлетт Антонюк**

© Алла Арлетт Антонюк, 2017

ISBN 978-5-4483-7112-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Духовное путешествие Ленского

Он с лирой странствовал на свете...
«Евгений Онегин» (гл. 2; IX)

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл её романа...*
«Евгений Онегин» (гл. 8; LI)

Ленский и Муза

Иллюстрация Е. П. Самокиш-Судковской (к роману
«Евгений Онегин»)

«УМЫ ПУСТЫННИКОВ МОИХ» «С ДУШОЮ ПРЯМО ГЕТТИНГЕНСКОЙ»

*«Он пел поблѣклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет»
«Евгений Онегин» (2:Х)*

В смерти Ленского, как и в перерождении Татьяны (оба они – «избранные судьбами»), есть воплощение потусторонней судьбы, к которой Ленский взывал своей *лирой*: он пел «и нечто и туманну даль».

Для Ленского, выпускника Геттингенского университета, «поклонника Канта и поэта», повседневная действительность с её «заманчивой загадкой» жизни и «гроба тайнами роковыми» творится где-то в трансцендентальных далях «глубокой мглы». Само поэтическое творчество для него трансцендентно.

«Что день грядущий мне готовит?» – через эти строки своей предсмертной элегии (в свои «без малого осьмнадцать лет») он пытается проникнуть в тайны трансцендентного (потустороннего). Но никому не дано представить истинную форму того *опыта*, который, возможно, ожидает нас по ту сторону границы, разделяющей здешний и Иной миры:

Его мой взор напрасно ловит,

В *глубокой мгле* таится он. (6:XXII)

Концепция трансцендентности творчества была характерна и для самого Пушкина, автора «Евгения Онегина». Об этом Пушкин говорит в последней строфе своего романа – что и он вглядывался в «даль», чтобы «ясно различить», то есть прозреть судьбы своих романских героев:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин *в смутном сне*
Явились впервые мне —
И *даль* свободного романа
Я сквозь *магический кристалл*
Еще не ясно различал. (8:L)

В этой пушкинской концепции истоки творчества также располагаются где-то в потусторонности («в смутном сне»). Произведение – это готовая данность, которую всего лишь необходимо воплотить в слове. Обозримая «даль свободного романа», который уже существует где-то в ином пространстве (в «дали», за пределами этого ограниченного временем мира, как сейчас говорят, в ноосфере), требует от писателя лишь применения свойств «магического кристалла». Писателю остаётся лишь вглядеться особым зрением – «духовными глазами» и, используя весь «магнетизм», записать, переведя текст из идеальной формы в форму написанного слова.

И Пушкина признавал, что трансцендентность творческого процесса спасает *индивидуальное* от чистого своеволия. Эта концепция корнями своими уходит в немецкий идеализм. Увлечение пушкинского героя Ленского философией И. Канта и его последователями в литературе – немецкими романтиками Шиллером и Гёте Й. В. – совсем не случайно: «Их поэтическим огнем // Душа воспламенилась в нем» (2:IX).

Метафорой «даль времен» в романтическом искусстве выражалась иррациональность пространственно-временных отношений. В Германии движение романтизма получило особенно мистическую окраску. В 1790—1800-х гг. в городе Йена в Тюрингии возник кружок йенских романтиков. Они возрождали идеи Платона (205—270) о стремлении «мировой души» к «бесконечности, превосходящей любую форму» (неоплатонизм). Это стремление они называли «бесконечным желанием души» (что есть также пантеизм). В это же время интерес к средневековому фольклору кельтов и скандинавов объясняет громкий успех «Поэмы Оссиана» Дж. Макферсона (1760—1773) (так называемый оссианизм). Великий олимпиец Гёте (1749—1832), совмещая свою любовь к античности с романтическим мироощущением («идеализированным действительным»), совершает в это же время свои два путешествия в Италию (1786—1788).

Для романтика Ленского, «поклонника Канта», Шиллера и Гёте, жизнь была некой мистической загадкой, неким таин-

ством, неким заговором сил – конспиративных, потаённых, разгадать и прозреть которые – и было смыслом его жизни:

Цель жизни нашей для него
Была *заманчивой загадкой*,
Над ней он голову ломал
И *чудеса* подозревал. (2:VII)

Но возможно ли вообще прозреть «чудеса», возможен ли опыт познания жизни после смерти, ведь никто не знает, что есть это «нечто», и какими утратами это познание может обернуться для человека («о не знай сих страшных снов...») – вот те вопросы, которые ставит Пушкин, создавая образ Ленского в «Евгении Онегине».

Если желание прозрения своей судьбы вызывает у Татьяны Лариной страх – отсюда её отказ от ворожбы, отказ заглянуть в потустороннюю «мглу» и запредельную «туманну даль» («...но так и быть, //С Татьяной нам не ворожить»), то Ленский ждёт «предвкушения чудес».

Ленский.

Рисунок А. С. Пушкина

Пушкин не находит имён для таинственной ауры, окружавшей Ленского. «Дух пылкий», Ленский сам был тем избранником, через божественную искру, заброшенную в душу которого и воплощается в царстве материи потаённый бог, который в особые минуты способен «блаженством» одарить *наш мир*.

Пушкин с высоты своего эмпирического опыта мог бы, как всегда, иронично прокомментировать от лица своего лирического героя и автора повествования эстетические воззрения Ленского, но он принимает довольно скользкую по-

зицию. Ускользя от прямого высказывания, он делает, однако, намек на то, что знает о *заговоре высших сил*, но этот заговор законспирирован до поры до времени. Художественно это выражено Пушкиным в пропуске строф – с одной стороны, это действительно воспринимается как намёк на законспирированность тайн и проявление их только где-то в другой реальности; с другой стороны, – как некая аллюзия невозможности пересказать и передать подобные тайны словами. Пушкин часто в своих письмах сетовал на то, что русский язык его времени не был ещё достаточно развит в области оккультных знаний и объяснения метафизического. Те «учёности плоды», которые Ленский вкусил под небом Шиллера и Гёте, недостаточно внятно звучали ещё тогда на русском языке. Пушкин в письме Вяземскому пишет 13 июля 1825 года: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский *метафизический язык* находится у нас ещё в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного, точного языка прозы, то есть языка мыслей)».

Романтическое мироощущение – это глубоко личное (субъективное, интимное) переживание *непознанного*, таинственного (и по зрелому размышлению – непознаваемого). И Пушкину необходим был этот язык «невыразимого». Как и французские элегические поэты его эпохи, он сам культи-

вировал и создавал этот язык.

Оппонент «демона» Онегина, его герой Ленский свято верит в таинство жизни и возможность совершенствования мира, а также конечное торжество добра:

Он верил,...

.....

Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья;
Что их *бессмертная семья*
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит. (2:VIII)

Он верил в существование будущих событий в каком-то ином, призрачном измерении, верил в минуты сверхъестественного восприятия, блаженного озарения, верил в существование своей духовной родины, в которой живёт его духовная семья – «бессмертная семья», и он – её сын. Но в чём кроется «заманчивая загадка» его прихода на землю, ради которого он оставил свою духовную родину, ему лишь предстоит разгадать.

Ученик Шиллера и Канта, Ленский признаёт наличие высшего сознания как источника идеальной версии событий. Заглядывая в «туманну даль», он даже способен благословить «тьмы приход», считая, что «прав судьбы закон»:

Всё благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и *тьмы приход!* (6:XXI)

Философия его кумира Канта находила некую связь между определенными состояниями сознания и высшими состояниями бытия. Канту приписывают доказательство существования бога, которое построено у него на бесспорном существовании нравственного чувства у человека. Поскольку это чувство не всегда побуждает человека к поступкам, приносящим ему земную пользу, следовательно, должно существовать и это «*нечто*» – некое основание, некая мотивация такого нравственного поведения человека в мире, – но находящаяся, однако, *вне этого мира*. В свою очередь, это с необходимостью требует существования бессмертия, высшего суда и Бога, учреждающего и утверждающего нравственность, награждая добро и наказывая зло.

«Дух пылкий», Ленский не преминул коснуться всех этих тайн в своих беседах с Онегиным, которые не лишены были глубокого философского спора:

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, *добро и зло*,
И предрассудки вековые,

«Гроба тайны роковые» – тайны иррационального, не отпускают поэта и в его элегических опытах. В свои «без малого осмнадцать лет» он скорбит о закате счастливых дней своей «весны», говорит о своей близкой смерти, гадает о том, придут ли к «урне» с прахом его друзья, и в особенности «она», его «богиня тайн». В своей поэзии он взывает иногда друзей похоронить его и посещать его гроб; и в этом случае описывается его одинокая, унылая могила.

Последователи Канта поддерживали метафизическую концепцию бытия и развили её – человеческая жизнь подобна книге, роману, созданному где-то в мире трансцендентного, что роднит подобную мысль с художественной концепцией и поэтикой самого Пушкина, у которого также часто звучит метафора жизни как «романа», написанного некой сверхреальностью:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочёл её *романа*... (8:LI)

«Вино вечности» и «роман бытия» – две метафоры, свойственные поэтике и самого Пушкина в период его «элегических затей».

В концепции Ленского восторг и гармония поэзии, сам

процесс её создания рассматриваются им как отражение её трансцендентальной природы с её «глубокой мглой» и «неотразимыми лучами» озарения. Вдохновение для него подобно зерну, оно порождает таинственным образом будущее («день грядущий»). И одновременно – будущие произведения поэта. Собственно, стихи Ленского – это цитаты из того романа, который и есть *вечные письма*, и эти вечные тексты вкрапляются иногда в его элегии, а затем вплетаясь в «роман» его собственного бытия.

В ночь накануне своей дуэли Ленский читает Шиллера. Его «дух пылкий» снова воспламеняется, и он пишет свою последнюю элегию. Проблематика этого последнего произведения Ленского, возможно, восходит к «северной поэме» Шиллера «Вальштейнский замок», где Шиллер объясняет связь между определенными состояниями сознания и высшими состояниями бытия:

Il est, pour les mortels, des jours mystérieux
Où, des liens du corps notre âme dégagée,
Au sein de l'avenir est tout à coup plongée
Et saisit, je ne sais par quel heureux effort,
La nuit qui précéda la sanglante journée,
Qui du héros du Nord trancha la destinée... (фр.)

*Шиллер. «Walstein»; ч. II, гл.18;
(Фр.; пер. с нем. Констанана)*

Для смертных есть таинственные дни,
Когда освобожденная от телесных пут душа наша
Вдруг проникает в чрево грядущего дня
И прозревает, не знаю, благодаря какому
благословенному порыву —
В ночь накануне дня кровопролития —
Тот самый путь, который прочертила и судьба
нордического героя...

(Пер. с фр. – наш, А.-А.А.)

«В ночь накануне своего кровопролития» Ленский прозревает свою смерть в последних стихах:

А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня... (6:XXII)

Во имя торжества своих высших идеалов и ценностей он, как и «héros du Nord» Шиллера («северный герой» – нордический герой), без колебания готов пожертвовать собой: вызвав Онегина на поединок. Так он, собственно, доказал на деле служение своим идеалам, по роковой случайности столкнувшись с грубой реальностью жизни. Идеальный друг, каким считал он Онегина, не нашёл смелости отказаться от поединка и собственноручно убивает юного поэта.

Прозрения духовной родины

«Он пел те дальние страны»
«Евгений Онегин» (2:Х)

Ленский верил, что хоть и отделена земная жизнь от потусторонности пропастью, её края соединены чем-то вроде мостика, хоть и шаткого. Но какого моста? Как соединены между собой два мира, противостоящих друг другу? Где та лазейка, где та «дверь», что позволяет проникнуть в другую реальность и познать её, разгадав «заманчивую загадку» смысла жизни?

Таким мостом может быть только то, что даёт чувство трансцендентального единства личности и мира. И в этом смысле *любовь* и *поэзия* уравниваются в мировоззренческих кругах Ленского.

Первое, с чем связано его интуитивное проникновение в трансцендентальные дали потусторонности («те дальние страны») – это его любовь или, скорее, предчувствие её утраты и последующая за этим меланхолия – «его живые слёзы». Между неизвестной ностальгической и экзотической далью (ср. гл. 1, XLIX) и острым переживанием Ленского его любви существует прямая причинная связь:

Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины

Лились его живые слёзы. (2:Х)

Любовь и творческое вдохновение (поэзия) – вот те два проводника, те «две жордочки» «дрожащего губельного мостка... через поток», которые отделяют нас от непознаваемого «нечто» («две жордочки» того самого моста, через который пробиралась в страхе и смятении и Татьяна в аллегорическом лесу своего сна).

О любви Ленского как проводнике в область метафизической действительности и о воплощении этой любви в Ольге, «потаённом ландыше», ставшем затем его «богиней тайн и вздохов нежных», мы более подробно расскажем чуть позже. В первую же очередь, начнём с той роли, какую для Ленского играл поэтический язык, связанный с состоянием творческого вдохновения как озарения «неотразимыми лучами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.